

Михаил Козаков: «Я не умею врать»

Павел ПОДКЛАДОВ

Михаил Козаков играет в театре не много. Но если играет, то обязательно большие значительные роли. Шейлок, Лир... Его последняя работа над шекспировской трагедией не перестает быть для него поводом для серьезных раздумий о себе и своей профессии.

— Я очень люблю Шекспира и достаточно много играл в его пьесах. Правда, меньше, чем хотелось бы, но зато больше других актеров. Я играл и Гамлета, и Полония, и тень отца Гамлета у Штайна, и братьев Антифолов в «Комедии ошибок» в телевизионном кино, и Шейлока в Театре Моссовета... Гамлета в Театре Маяковского я сыграл уже в свои двадцать два года. Это было счастье. Потом прошла целая жизнь, и почти в шестьдесят девять лет я сподобился сыграть в Театре Моссовета короля Лира — роль, о которой я думал очень давно. Ведь человек всегда живет какой-то перспективой, во всяком случае, до определенного возрастного рубежа. И вот я думал: позади сыгранные роли Дон-Жуана, Арбенина, Сирано, но если, дай Бог, доживу до старости, что я тогда буду играть? Конечно, я задумывался о Лире. Мы вели разговоры об этой пьесе с Павлом Хомским года два. Потому что было ясно: пока мы не найдем театрального языка, стиля спектакля, начинать работу бессмысленно.

— Есть ли, на ваш взгляд, какая-то особая сложность в этой пьесе в сравнении, скажем, с тем же «Гамлетом»?

— «Гамлет» — пьеса новозаветная, действие происходит после Рождества Христова. Ведь Гамлет говорит: «...И если бы предвечный не оставил запрет самоубийству». Запрет самоубийству — это христианские постулаты. А «Лир» — ветхозаветная притча, там есть боги во множественном числе: «Клянусь Юноной, клянусь Юпитером» и т.д. Но интересно, что Эдгар — крестник Лира. Т.е. сам Шекспир «сплюсцивал» времена. И эта пьеса как мне кажется, — переход от Ветхого Завета к Новому. И когда Лир молится, он говорит шуту: «Оставь меня, дружок, я тоже лягу спать, но прежде помолюсь». А мой Лир говорит: «...но прежде я впервые помолюсь». И начинается «Отче наш».

— Как вы думаете, насколько велико влияние друг на друга Лира и Михаила Козакова?

Дмитрий ХРУТОВ

— Такие роли, как Лир, Арбенин, Фауст, безусловно, оказывают на тебя влияние. Но, к сожалению, с ролью Лира я очень постарел. С другой стороны, она дала мне силы жить. Дала смысл, пусть временный, проживанию на земле. Если не играть роли, в которых есть какой-то большой смысл: нравственный, религиозный, человеческий, — тогда зачем все? Просто ради какого-то внешнего успеха, заработка денег? Деньги нужны, к сожалению, и их приходится зарабатывать. Но не в театре, а где-то другими способами, в концертах, на съемках. Я, правда, не зарабатываю в сериалах, мне ничего хорошего и не предлагают.

— Слушал ваши записи Бродского на кассетах и удивился простоте и полноте. У вас есть какой-то секрет?

— Просто у Бродского я выбираю то, что до конца понимаю сам. И беру те стихи, которые годятся для чтения на эстраде. Потому что всегда надо понимать: одно дело — чтение глазами, совсем другое — чтение вслух. Когда ты читаешь стихи или прозу, ты должен быть внятен. Тогда публика откликнется. А если она будет сидеть и ничего не понимать, она быстро заскучает. Поэтому я выбираю то, что мне самому ясно.

— В последнее время вы работали с другими режиссерами только в шекспировских проектах. Вы шли на это только ради Шекспира?

— Нет, я бы и не на Шекспира пошел, если была бы какая-то хорошая роль, например, чеховская. Мне как-

то Юрский сказал: «Что ты хочешь! Время театра, литературы ушло. А мы с тобой — люди театра и литературы». Все перформансы, где пластика важнее слова, — не мое, мне даже было бы скучно пробовать, хотя, наверное, как профессионал, я смог бы это делать. Для меня все равно — «Вначале было Слово...». Я с удовольствием пошел бы играть, предположим, старика Сорина в чеховской «Чайке».

— Бывало ли, что глубина актера Михаила Козакова вступала в противоречие с поверхностностью мышления режиссера?

— Конечно, бывало. Актер не может существовать совершенно отдельно. Актер очень зависим от режиссера, особенно в кино. Скоро выходит авторский фильм Бориса Бланка «Смерть Таирова», где я сыграл Таирова. Я очень волнуюсь, как все это будет. Но это авторское кино, я знал, на что шел. Но как смонтируется все то, что я сыграл? Как это встроится в фильм, где есть и хроника, и фантазия, и закадровый таировский текст? Там Сталин появляется на квартире у Таирова, они танцуют с его женой, знаменитой актрисой Алисой Коонен. Конечно, это фантазия, такого в реальности быть не могло. Но так и придумана вся картина.

— Банально, но последний вопрос о планах. Что хочется сыграть после Лира?

— Если серьезно говорить, то «Перед заходом Солнца» Гауптмана. Там те же проблемы: любовь семидесятилетнего человека к молодой женщине. А главное — взаимоотношения с детьми. Это в каком-то смысле повтор «Лира». Но возрастных ролей очень мало. Сейчас только чудо меня может спасти.

— Михаил Михайлович, мне кажется, что вы излишне переживаете по поводу своего возраста?

— Ничего я не переживаю, я просто на все смотрю реально. Нельзя в шестьдесят девять лет играть сорокалетних людей.

— Если бы вы посмотрели на себя в Лире в первой сцене...

— Ну и что? Я видел по телевизору куски — старый человек. Сильный, но старый. Я еще отпустил бороду, хотя мог бы ее сбрить и помолодеть, надеть паричок... Не знаю, может быть, это временное у меня... Я всегда абсолютно искренен в беседах. Во-первых, сам для себя, во-вторых, я не умею врать, показушничать. Ну, ничего. Есть Лир, значит, что-то еще придумается. Будет день — будет пища.